

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

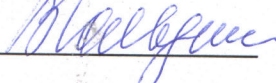
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**ПРОВОКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

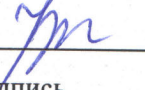
студентки 4 курса 441 группы
направления 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика»
Института филологии и журналистики
Владимирской Ксении Владимировны

Научный руководитель

д.ф.н., профессор 14.06.16
дата, подпись

В.Е.Гольдин

Заведующий кафедрой

д.ф.н., профессор 14.06.16
дата, подпись

О.Ю.Крючкова

Саратов 2016 год

ВВЕДЕНИЕ

Языку свойственно постоянное развитие и, следовательно, постоянное изменение. Изменения затрагивают все уровни языка, но в особенности они затрагивают лексический уровень, и причин тому может быть множество: социальные, культурные и пр. Все они прямо или опосредованно влияют на язык, однако без них язык не может развиваться, приспосабливаться к меняющемуся, прогрессирующему обществу, а, значит, не может существовать.

Актуальность темы исследования обусловлена новизной проблемы вербализации понятия ПРОВОКАЦИЯ. Провокация в сознании носителей языка традиционно характеризуется как нечто негативное, отрицательно влияющее на человека, манипуляция им, однако в последнее время активизировалось и иное значение, актуальное для сферы культуры и искусства. В силу этого представляется важным рассмотрение образа провокации в сознании носителей языка.

Предметом исследования в данной работе являются особенности образов сознания, стоящих за словом *провокация* и отраженных в текстах и ассоциациях.

Объектом исследования являются адъективные сочетания лексемы «провокация», ассоциативные реакции, полученные на данное слово как стимул и текстовые фрагменты Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), содержащие лексему «провокация».

Цель работы – исследовать представления о провокации как часть языкового сознания современных носителей русского языка.

Задачи выпускной квалификационной работы:

- раскрыть понятие ПРОВОКАЦИЯ;
- охарактеризовать его представление в сознании;
- представить группировку адъективных сочетаний, основанную на корпусных данных и группировку ассоциативных реакций на стимул «провокация»;

- выявить сферы функционирования понятия и сформировать усредненный образ провокации как имени поступка.

Основными **методами** работы стали метод корпусного и ассоциативного анализов.

Материалом для выпускной квалификационной работы послужили различные лексикографические источники, данные НКРЯ и ассоциативные данные, полученные в ходе проведения нами свободного ассоциативного эксперимента.

В качестве источников материала были использованы: словари русского языка (Малый академический словарь, Толковый словарь иностранных слов Л.П.Крысина, Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения (под ред. Складневской Н.Г.), исследования по лексике современного русского языка , труды по психолингвистике и когнитивной лингвистике.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографического списка, Приложений.

В Первой главе рассматривается значение и происхождение слова *провокация*, а также его понимание в качестве имени поступка, указываются теоретические основы ассоциативного и корпусного исследований.

Вторая глава представляет собой анализ семантических группировок, полученных на материале НКРЯ, и ассоциативного эксперимента, проводится анализ глубинной семантической структуры и сфер функционирования провокации.

Библиографический список включает 70 наименований работ, в их числе 11 лексикографических источников.

В Приложения внесены: семантическая группировка аффиктивных сочетаний со словом *провокация*, ассоциативные реакции на стимул «провокация» и определение сфер функционирования представлений о ПРОВОКАЦИИ.

В Заключении подводится итог работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В первой главе рассматривается понятие КОНЦЕПТ, представляются существующие гипотезы о происхождении исследуемого слова *провокация* и его традиционное содержание, анализируется связь между событиями, поступками и действиями, в составе которых провокация выступает интерпретирующим именем, а также их основные функционально-структурные характеристики.

Путем анализа полученных данных было выяснено, что провокация – явление сложное, не имеющее четких границ. Поэтому сам концепт обладает сложной, многокомпонентной структурой и состоит из множества переходных компонентов и/или слоев (это можно наблюдать на примере семантических группировок), каждый из которых отражает специфику русского языкового сознания. Как правило, содержание концепта шире и лексикографического, и психолингвистического значения, поэтому зачастую некоторые смысловые единицы могут отсутствовать в зафиксированных исследователем контекстах, могут не осознаваться носителем языка. Поэтому нам представляется важным определение семантического типа имени «провокация».

Существуют различные семантические типы имен существительных (имена естественных классов, артефактов, событий, поступков и др.). Каждый такой тип обладает своими обязательными и факультативными компонентами, однако граница, отделяющая одни имена от других, настолько тонка, что зачастую точно определить и разграничить их непросто. Нами была выявлена связь между событиями, поступками и действиями, в составе которых провокация выступает интерпретирующим именем, а также их основные функционально-структурные характеристики.

В данной выпускной работе вслед за В.Е. Гольдиным под ситуациями мы понимаем «структурно и функционально целостные устойчивые комплексы», которые воспринимаются «как некие «положения вещей» [Гольдин 1997:24]. Основными признаками, свойствами этих

воспринимаемых человеком комплексов являются, с одной стороны, их функционально-структурная целостность, а с другой стороны – связанная с ней и обусловленная ею целостность темпоральная. Событие же в понимании исследователя связывается с ситуацией как потенциально завершенной, целостной, сменяемой другой ситуацией. Таким образом, смена одной ситуации другой – это событие.

Однако представление о ПРОВОКАЦИИ включает в себя не только компоненты, характерные для события, но и оценочный компонент, что позволяет нам рассматривать данное слово в качестве имени поступка в составе события. Согласно Е.В. Старостиной, поступки – это контролируемые события, их имена – «это эпизодические, динамические, недлительные и контролируемые предикаты» [Старостина 2004: 34]. Имя поступка не раскрывает до конца реальное событие, а дает лишь его оценочную квалификацию. Можно говорить о том, что в определенных ситуациях любое действие, совершенное человеком, может рассматриваться как поступок. Таким образом, поступок неразрывно связан и с действием. Можно отметить главные признаки поступка: целенаправленность, контролируемость, социальность, событийность и оцениваемость.

В рамках данного исследования представляется важным и описание экспериментальных методов исследования: в работе обсуждены некоторые теоретические аспекты ассоциативного и корпусного исследований и выяснено, что ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных методов исследования языкового сознания, а корпусные данные позволяют установить понятийное значение слова и его современное использование.

Во второй главе представлен анализ адъективных сочетаний со словом *провокация* и ассоциативных реакций на стимул провокация, а также анализ контекстов в подкорпусах нехудожественных текстов, входящих в состав НКРЯ.

В ходе анализа адъективных сочетаний со словом *провокация* (общий объем – 180 вхождений) было выделено 8 семантических групп: «актанты», «оценка», «характеристика», «значимость», «темпоральность», «интенсивность», «вариативность», «сфера». Главным принципом группировки послужил принцип содержательной однородности выделяемых групп [Трещева 2012].

В ходе анализа выяснено, что концепт ПРОВОКАЦИЯ объективируется прежде всего в словосочетаниях групп «оценка», «актанты», «характеристика», «значимость события». Остальные группы являются факультативными и мало заполненными. Содержательный анализ группировки адъективных словосочетаний с вершиной *провокация* позволил выявить репрезентирующие признаки данного события и выявить составляющие образа *провокации* в сознании носителей современного русского языка.

В результате анализа собранного материала было выяснено, что для событий характерен определенный набор типичных признаков, которые так или иначе представлены в группах. Однако в зависимости от типа события некоторые признаки могут варьироваться: быть ядерными, периферийными или вообще отсутствовать. Содержательный анализ группировки адъективных словосочетаний с вершиной *провокация* позволил выявить репрезентирующие признаки данного события и выявить составляющие образа *провокации* в сознании носителей современного русского языка.

В работе представлены также результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента со стимулом провокация; было опрошено 108 испытуемых в возрасте 17-25 лет. При описании и интерпретации результатов получилось 7 семантических групп реакций: «именования лиц и организаций», «действие и его результат», «события, ситуации, сферы, для которых обычны провокации», «общая негативная оценка провокации или ее результата», «негативные чувства, связанные с провокацией», «инструмент», «другое» (группа семантически немотивированных, неинтерпретируемых

реакций, у которых семантическая связь между стимулом и реакцией не выявляется). С помощью количественного анализа ассоциативных данных были выявлены наиболее представительные, наиболее заполненные группы ассоциативных реакций: «Действие и его результат», «Именование лиц и организаций», «События, ситуации, сферы для которых типичны провокации».

При сравнительном анализе ассоциативных и корпусных данных выяснилось, что ядерные группы семантической группировки ассоциативных реакций заметно отличаются от семантической группировки текстовых фрагментов: группа «агенса» входит в число наиболее частотных и репрезентативных, однако остальные группы не совпадают между собой. Это говорит о том, что каждый из двух типов данных дает представление о разных аспектах образа провокации.

В результате анализа выбранных контекстов подкорпусов нехудожественных текстов был выявлен набор обязательных семантических ролей, характеризующих представление о провокации и соответствующие им эксплицитно и имплицитно выраженные семантические валентности. Было выяснено, что к числу обязательных семантических компонентов можно причислить следующие: «Агенса», «Пациенса», «Действие агенса», «Цель», «Вред». Также были определены соответствующие семантические роли и типичные варианты их вербализации, обнаружено особое представление о провокации, не предполагающее нанесение вреда провоцируемому.

На основе анализа данных подкорпусов было выделено 14 сфер функционирования явления провокации: спорт, СМИ, искусство, социум (общество), закон, политика и военные конфликты, международные отношения, реклама, литература, психология, биология, религия, электронная коммуникация и межличностные отношения.

В соответствии с выделенными сферами функционирования были выделены следующие разновидности провокации: *политическая,*

художественная, спортивная, эстетическая провокация (провокация в искусстве) и провокация в быту. Каждая сфера может характеризоваться своим смысловым вариантом понятия ПРОВОКАЦИЯ.

В работе приведена классификация осуществляемого в провокации действия по нескольким признакам: а) *по характеру вербализации:* вербальное действие, невербальное (физическое) действие, сочетание вербальных и невербальных действий; б) *по типу демонстрации действия:* реально осуществляемое провокативное действие, демонстрация намерения совершить действие.

Были выявлены компоненты, свойственные традиционному пониманию провокации, а именно: *Провокатор (Агенса)*, который совершает некоторое *Действие (Действие 1)*, имеющее *Целью* вызвать у *Провоцируемого (Пациенса)*, планируемую Провокатором реакцию в виде ответного *Действия (Действия 2)*, наносящего самому Провоцируемому *Вред* (так или иначе ухудшающего положение Провоцируемого). В результате успешной провокации провоцируемый сам себе наносит вред (Ср.: *Если человек блефует, пытается запутать вас, — не поддавайтесь на **провокацию**, не играйте на его поле.*).

Однако в связи с языковыми изменениями конца XX –начала XXI века, можно наблюдать расширение значения слова, появление новых смысловых вариантов. В некоторых случаях роль «Вред» может утрачиваться, то есть даже не подразумеваться и не быть целью провокативного действия. Это и ведет к изменению значения слова. Цель провокации может состоять не в том, чтобы подвигнуть адресата на невыгодное для него действие, а в том, чтобы вызвать у него определенное эмоциональное или интеллектуальное состояние – чаще всего размышление над чем-либо. Такой тип провокации встречается, как правило, в сфере искусства. . (Ср.: *Что за миниатюры! Скромность и **провокация**. Стыдливое христианство, помешанное с радостью и пониманием жизни; Смерть смотрит со стороны, Смерть*

слышит всё, он взывает к Богу, а отвечает Смерть. Она позволяет себе и провокации: — Может, Его и нет?). Можно считать, что в последнем случае в языке сложилось еще одно значение слов *провокация, провоцировать*: вызывать активное внутреннее состояние.

В результате анализа также было выяснено, что провокатор и провоцируемый всегда являются собой либо личность, либо общественную структуру (институциональные организации). Иными словами, Провокатор и Провоцируемый – это всегда человек, группа людей или общество в целом (Ср.: Провокатор – *правительство, автор (книги/статьи), посольство, ЦРУ, Кремль, Коммунистическая партия; Провоцируемый – *спортсмен, родители, учителя, правительство, население, зрители, читатели, царская семья, Коммунистическая партия*).*

Таким образом, рассмотренные контексты показали, что действия провокатора и его интенции могут быть различными. Глубинная ролевая структура может получать в речи (в коммуникации) разное конкретное наполнение и находить свое воплощение с разной степенью полноты.

Заключение. Проблема образа провокации в языковом сознании остается сегодня актуальной и, несмотря на обилие источников изучения до сих пор не имеет однозначного решения. Как и все культурные концепты, концепт ПРОВОКАЦИЯ является глубоко оценочным, что усложняет интерпретацию явления и структурирование самого понятия.

Современная лингвистика располагает множеством источников информации, позволяющих изучить проблему вербализации и концептуализации того или иного понятия в лингвокультуре. Но оно неравномерно представлено в различных источниках. Так, соответствующего стимула (стимула провокация) нет в крупнейших русских ассоциативных словарях, поэтому нам пришлось провести собственный ассоциативный эксперимент, материалы которого рассмотрены в работе.

Анализ собранного материала показал, что лингвистические корпусные и ассоциативные данные позволяют рассмотреть разные аспекты образа провокации. Корпусные данные позволяют выявить понятийное значение провокации, сопоставимое с дефинициями толковых словарей. Ассоциативные же данные предоставляют сведения, касающиеся в большей степени узуального употребления слова, особых компонентов значения, соответствующих его психолингвистической сущности.

Материал показывает, что образ провокации наполняется конкретным содержанием в различных сферах существования провокации (политическая, экономическая, военная, спортивная и др.), оно содержит яркий оценочный компонент. Употребляя слово *провокация*, носитель языка может подразумевать множество различных конкретных действий, событий. Другими словами, это слово требует конкретной интерпретации говорящим и слушающим.

Данные, полученные в ходе анализа адъективных сочетаний в НКРЯ и в результате свободного ассоциативного эксперимента, позволили глубже изучить проблему образа провокации в русском языковом сознании, определить его составные компоненты. Концепт ПРОВОКАЦИЯ представлен в сознании носителей языка разнообразными типами актантной структуры, ситуаций, способов и сфер функционирования провокации. В качестве центральных компонентов выделяются компоненты, свидетельствующие об оценке провокации, актанты и ситуативные компоненты. Все эти компоненты соответствуют основным признакам поступка в составе события: целостность, временная и пространственная локализованность, интерпретируемость. Полученное нами ассоциативное поле на стимул провокация включает основные семантические группы реакций (они входят в ядро) и факультативные группы, представленные единичными реакциями (составляют периферию).

В ходе жанрово-стилистического анализа употреблений слова *провокация* были выявлены сферы функционирования современной

провокации, а также ее варианты. Полученные данные показали, что в период вхождения большого числа заимствований в русский язык, понятие ПРОВОКАЦИЯ расширило свое значение и стало употребляться не только в сфере политики, юриспруденции, но и в сфере спорта, литературы, искусства, моды, электронной коммуникации и бытового общения.

Классификация разновидностей провокации, основанная на контекстах нехудожественных текстов НКРЯ, позволила изучить глубинную структуру исследуемого представления и возможности ее поверхностного воплощения. Был обнаружен особый вариант представления о провокации, исключаящий компонент Вред для провоцируемого.

Полученные в ходе исследования данные показали, что имя «провокация» является именем поступка в качестве оценочного компонента события и функционирует во множестве сфер человеческой жизнедеятельности, в зависимости от которых возможны варианты представления о данном явлении.